ПОЛЕССКАЯ КАРТОТЕКА

СВАДЬБА БЕЗ ЖЕНИХА

Дело № 2

Никита Соколов

Никита Соколов

Свадьба без жениха

«Автор»
2026

Соколов Н.

Свадьба без жениха / Н. Соколов — «Автор», 2026

Исчез жених. Прямо накануне свадьбы.Невеста Леся не помнит его имени, но каждое утро по привычке достает две чашки. На его кольце нет гравировки, только странный номер. А в доме будущего тестя на стол всегда ставят лишний прибор - «для хозяина».Архивист Никита Соколов приезжает в Ломаши, чтобы найти пропавшего, но сталкивается с идеально оформленной сделкой. Кто-то нашел способ перекладывать долги перед древними силами на чужих людей. За жениха уже заплачено. Осталось только дождаться полуночи, чтобы сделка вступила в силу.Чтобы спасти чужое имя, Никите придется найти имя того, кого стерли из всех архивов семьдесят восемь лет назад. И заплатить за это самую высокую цену.Время до первого снега уже вышло. Просрочка началась.Вторая книга цикла «Полесская картотека».

© Соколов Н., 2026
© Автор, 2026

Никита Соколов
Свадьба без жениха

Автобус из Бреста шёл до Ломашей три часа сорок минут и остановился не у вокзала, а у магазина «Продукты 24». Вокзал в Ломашах закрыли лет десять назад, здание стояло за остановкой с заколоченными окнами. Никита сошёл последним. Водитель закрыл дверь, не оглянувшись, развернулся на обледенелом пятачке и ушёл обратно, оставив запах дизельного дыма и мокрой резины.

Снег выпал позавчера ночью. Растаять он не успел: на дороге превратился в серую кашу с песком, а под заборами и на шиферных крышах лежал плотной коркой. Никита поставил сумку на землю и расстегнул пальто. В автобусе топили так, что рубашка прилипла к спине, а здесь через минуту стало холодно. Он достал из внутреннего кармана карточку.

Проверять её он начал в то утро, когда выпал снег, и с тех пор делал это утром и вечером, хотя знал, что за ночь ничего не меняется. Кремовый картон, размером с библиотечную каталожную карточку. Верхняя строка: «Дело № 2». Вторая: «Срок: до первого снега». Буквы выведены тушью, штрих везде одинаковой толщины, без нажима и без наклона. Так подписывают чертежи, когда подпись не должна ничего сообщать об авторе. Ниже стояло «Должник:» и пустое место длиной с ладонь. Ещё ниже: «Плата: имя». Эта строка появилась в то же утро, вместе с двумя последними: «Место: Ломаши, ул. Мельничная, 14» и «Повод: свадьба».

Срок вышел. Что это значит на деле, он старался не думать.

Слово «имя» беспокоило его больше остальных. Правило он знал по первому делу: имя — самая тихая плата. Человек, с которого её берут, не умирает и не пропадает с фотографий. Он просто перестаёт быть тем, о ком помнят. Мать смотрит на него и видит чужого, а документы, где стояла его фамилия, остаются на месте, только фамилии в них больше нет. Искать надо не человека, а пустоту, и уже по ней выходить на человека. Здесь нужны были и следователь, и архивист.

Он убрал карточку, поднял сумку и пошёл искать гостиницу.

Гостиница «Заря» занимала двухэтажное здание из силикатного кирпича в двух кварталах от остановки. Крыльцо с железными перилами, вывеска, с которой солнце сняло половину красной краски. Внутри пахло хлоркой, разваренной капустой и горячей пылью от батарей. На стойке лежал журнал в клеёнчатой обложке, стоял телефон с диском, на стене висели ключи на деревянных грушах. Администратор, женщина за шестьдесят в вязаном жилете и с очками на цепочке, ела гречку из пластикового контейнера и не прервалась, пока он не кашлянул.

— Одиночный. Три ночи.

— На свадьбу? — она отодвинула контейнер и достала бланк.

— По работе.

— Какая у нас работа. У нас свадьба. Грицуки дочку замуж выдают, полгорода уже съехалось. Два номера свободных осталось, и в обоих горячей воды нет.

Он заполнил бланк: фамилия, имя, отчество, номер паспорта, цель приезда — «командировка». Администратор взяла паспорт, посмотрела на фотографию, потом на него и стала переписывать данные в журнал.

— И за кого выдают? — спросил Никита, не поднимая головы.

Ручка остановилась. Не так, как останавливаются, когда не знают ответа. Скорее так, как останавливаются, когда ответ лежит на языке и не выходит. Она моргнула, посмотрела на ключи за спиной.

— Ну... за хорошего человека. Чего ж не за хорошего.

Она дописала строку и протянула ему ключ с цифрой семь. Никита уже взялся за грушу, когда понял, что ему нужно ещё кое-что. В номерах таких гостиниц стоит стакан на тумбочке и больше ничего, а ему хотелось горячего чая. Он повернулся к стойке и открыл рот.

Слова не было.

Предмет он видел: на подоконнике за спиной администратора стоял белый эмалированный, с синими цветами на боку, с носиком и свистком на крышке. Знал, для чего он: греть воду на плите. Знал даже, как он выглядит изнутри, с известковым налётом на дне. Названия не было. Не на кончике языка и не рядом, а на месте названия лежала пустая карточка, какую ставят в каталоге вместо выданной книги.

— Мне бы вон ту... — он показал пальцем. — Для воды. Греть.

— Чайник? — администратор посмотрела на него внимательнее, чем до этого.

— Да. Чайник.

Слово вернулось сразу и целиком, будто никуда не уходило. Это было неприятнее всего.

— Принесу после обеда, — сказала она.

Он поднялся по лестнице, отпер седьмой номер, положил сумку на кровать и записал в блокноте число и одно слово: «чайник». Рука была спокойной. Он отметил это отдельно.

Комната оказалась узкой: кровать с панцирной сеткой, шкаф, стол, окно во двор с видом на гаражи. Радиатор грел так, что к нему нельзя было прикоснуться, и форточка не помогала. Никита открыл окно пошире, выпил воды из-под крана, вода пахла железом, и спустился вниз.

До Мельничной было пятнадцать минут пешком. Ломаши состояли из одноэтажных домов за зелёными заборами, шиферных крыш и дымов из труб. Пахло берёзовым дымом, и этот запах перебивал даже дизельную гарь. На столбах висели объявления: «Картофель, лук, свёкла», «Куплю волосы дорого», «Ритуальные услуги, венки». Приезжего в таком городке обычно видно за квартал, но на него никто не смотрел. Всем было не до него. У каждого второго стояла открытой калитка, у каждого третьего что-то было в руках: мужчина нёс ящик с бутылками, женщина тащила таз, накрытый полотенцем, двое подростков катили на тележке доски. Город работал на одну субботу.

Дом четырнадцать он узнал по шуму. Двухэтажный, кирпичный, с зелёной жестью на крыше и гаражом на две машины. В профнастиловом заборе распахнуты ворота. Во дворе ставили шатёр: белый тент на металлическом каркасе, человек шесть в ватниках затягивали стропы и вбивали колышки в мёрзлую землю. Молотки били по железу ровно и звонко. Где-то тарахтел генератор. Из дома тянуло жареным луком и сладким дрожжевым тестом. Двое парней катили тачку с ящиками посуды, на повороте один ящик накренился, и они вдвоём удержали его, не сказав ни слова.

Никита остановился у калитки. Минуту на него никто не смотрел. Он по привычке пересчитал: восемь секций, по десять мест. Восемьдесят.

Он подошёл к бригадиру, коренастому мужику с рыжей щетиной, который сверял что-то по мятому листку.

— Хозяин дома?

— Григорич? Внутри, с сантехником возится. А вы по какому вопросу?

— Из района. Учёт мероприятий. Формальность.

— Это к Нине Петровне, — бригадир махнул листком в сторону шатра. — Она тут всем командует. Только по столам не ходите, у нас всё размечено.

— На сколько мест?

— Восемьдесят. Главный стол вон там, у торца. Молодым отдельно, на возвышении.

— Жених уже приехал?

Бригадир открыл рот и закрыл. Нахмурился, прищёлкнул пальцами, посмотрел на листок так, будто искал ответ там.

— Жених... Ну, будет жених. К субботе будет. Всё как положено. Вы к Нине Петровне идите.

«Не знаю» он не сказал. Не сказал и «забыл». Сказал «будет» и «как положено». Так говорят о том, что не проверяли, а приняли на веру.

В шатре пахло новым брезентом, сырым деревом и холодной землёй. Длинные столы из ДСП пока стояли без скатертей, стулья в пищевой плёнке были сложены у стены. За дальним столом женщина лет сорока пяти в синем фартуке раскладывала приборы: вилка слева, нож справа, тарелка в центре. Она работала быстро, не глядя, и шевелила губами. Никита подошёл ближе и услышал счёт.

— ...семьдесят девять, восемьдесят, восемьдесят один. — Она остановилась. Положила вилку. Пересчитала тарелки на столе, потом стулья вдоль ряда. — Восемьдесят.

Она взялась за приборы заново. Снова вышло восемьдесят один. Лишний комплект лежал отдельно от остальных, у торца главного стола, на пустом месте, где не было стула. Женщина посмотрела на него, потом на Никиту, и в её лице не было ни удивления, ни раздражения, только усталость.

— Пусть лежит, — сказала она сама себе. — Мало ли. Гости бывают нечаянные.

Она вытерла вилку фартуком и положила её ровно, параллельно ножу.

— Нина Петровна где? — спросил Никита.

— В доме, сейчас придёт. Подождите там, у входа.

У входа в шатёр на табурете лежал планшет с зажимом, поверх него шариковая ручка на верёвочке. Никита не стал оглядываться. Он не брал планшет в руки, только развернул его к себе, как разворачивают чужое меню.

Список был напечатан на принтере: два листа, скреплённых скобой, сверху «Рассадка. Суббота». Столы по номерам, фамилии столбиком. Стол № 1, головной. Первой строкой: «Грицук Григорий Остапович». Второй: «Грицук Нина Петровна». Третьей: «Грицук Ефросинья Остаповна». Четвёртой: «Грицук Леся Григорьевна».

Пятая строка была перечёркнута. Не ручкой: тушью, тонким пером, по линейке, одной прямой линией от начала до конца, без нажима и без дрожи. Сквозь линию букв не было видно. Там, где печатный текст стоял в соседних строках, бумага была белее остальной, как после корректирующей жидкости, только без бугорков и без разводов. Справа, на поле, одно слово: «Погашено».

Буквы были одинаковой толщины. Без нажима, без наклона.

Никита достал карточку и положил её на край планшета рядом с листом. Заглавная «П» в слове «Погашено» и заглавная «П» в слове «Плата» совпали до толщины штриха.

Нина Петровна вышла из дома минут через десять. К этому времени Никита вернул планшет на табурет под тем же углом, под каким его нашёл, и стоял у входа в шатёр, разглядывая растяжки. Хозяйка оказалась женщиной лет пятидесяти, сухой и быстрой, в вязаной кофте поверх домашнего платья. В одной руке она держала телефон, в другой связку ключей.

— Вы из района? Мне сказали.

— Из архивного отдела. Проверяю документы к регистрации.

— Регистрация в пятницу, у Тамары Ивановны. Всё подано, всё оплачено. — Она сказала это ровно, как говорят о давно решённом. — Что вам ещё нужно?

— Задать невесте несколько вопросов. Минут десять.

Нина Петровна посмотрела на часы в телефоне, потом на шатёр, где снова застучали молотки.

— В два у неё примерка. Второй этаж, последняя дверь.

Она пошла к дому и не проверила, идёт ли он следом.

В прихожей пахло луком, тестом и сырыми пуховиками, которые висели на вешалке плотной стеной. Из кухни доносился стук скалки и женские голоса, говорившие одновременно и ни

о чём: про муку, про то, что сметаны мало, про соседку, у которой не вышел холодец. Никита прошёл мимо открытой двери. На кухонном столе стояла сушилка, на верхней полке кружки, перевёрнутые вверх дном, одна к одной.

Лестница была деревянная, крашеная, ступени скрипели через одну. Наверху был узкий коридор с тремя дверями и линолеумом в клетку. На стене висели фотографии в рамках: школьная линейка, выпускной, мужчина в военной форме, должно быть, дед. Последняя дверь была приоткрыта.

Леся Грицук сидела на кровати в домашнем свитере, с шитьём на коленях. Белое платье висело на дверце шкафа, в чехле до пояса. Ей было лет двадцать семь, светлые волосы убраны в хвост, лицо уставшее, без косметики. Она подняла голову не сразу, докалывала крючок к подолу и закончила стежок.

— Мама сказала, из района. — Она откусила нитку. — Садитесь. Стул завален.

Он снял со стула пакет с лентами и сел. Назвался: Никита Соколов, архивист, смотрит бумаги по регистрации. Достал блокнот. Комната была обычная, девичья, переделанная под жильё взрослой женщины: книжная полка, ноутбук, на подоконнике герань, на стене календарь районной типографии.

— Какие бумаги? — спросила Леся. — Заявление мы подавали в июле. Всё прошло.

— Мне нужны уточнения для картотеки. Фамилия, имя, отчество жениха, как в паспорте.

Она кивнула, как на простой вопрос, и открыла рот.

— Он... — сказала Леся и замолчала.

Никита не торопил. Он смотрел на её руки. Пальцы продолжали разглаживать подол и не остановились. Остановилось лицо: глаза ушли вправо и вниз, туда, где ищут забытое, потом вернулись.

— Он высокий, — сказала она. — Нет, не очень. Выше меня. Мой... — Она слегка нахмурилась, как человек, слышащий собственные слова со стороны. — Мой будущий муж. Простите. Сейчас. Это нервы. В последние дни меня всё путает.

— Что именно?

— Слова. Могу забыть, как называется вот это, — она показала на катушку ниток. — Потом вспоминаю. А тут...

— Как давно?

— С августа. Или раньше. — Она вздохнула. — Мама говорит, я просто устала.

Он записал: «имя не называет, подставляет «он», «мой»». Подчеркнул дважды.

— Где вы познакомились?

— На... — Она посмотрела в окно. Во дворе стучал молоток. — Не помню. Это глупо, да? Помню, что было лето. Помню, что жарко. Помню, что я стояла у калитки и... Дальше пусто. Как будто плёнку вырезали.

— Кто подавал заявление в ЗАГС?

— Вместе. Наверное, вместе. Я не помню, как расписывалась.

Говорила она без паники и без слёз. Так говорят о неудобстве, которое тянется давно и к которому привыкли.

— Вас это беспокоит?

— Я не беспокоюсь, — сказала Леся. — В этом и странность. Я должна беспокоиться, а чувствую только... — Она встала, подошла к окну и повернулась спиной к двору. — Только по утрам.

— Расскажите про утра.

— Я встаю в шесть. Все спят. Спускаюсь на кухню, включаю чайник. И достаю две кружки. Одну белую, свою. Вторую с синей полосой, из другого набора, у нас таких больше нет. Ставлю на стол. Кладу в обе пакетики. И смотрю на вторую. А потом убираю её обратно в шкаф. Каждое утро. Две недели, может, месяц. Мама говорит, нервы. Папа говорит, ерунда.

Бабушка ничего не сказала. Она просто переставила кружку на полку так, чтобы та была на виду.

— Кружка сейчас там?

— Над мойкой, левая створка.

Он записал: «две кружки, вторая из другого набора». Леся села обратно и показала левую руку.

— И ещё вот это.

Кольцо было гладкое, золотое, шириной миллиметра четыре. Она сняла его не сразу, дёргая через сустав, повернула к свету и протянула ему.

— Я его не снимаю. Мама говорит, оно с детства. Но у меня никогда не было колец. Посмотрите внутри.

Он взял кольцо двумя пальцами. Металл был тёплым. По внутреннему ободку шла гравировка: ни вязи, ни даты, только цифры, мелкие, ровные, нанесённые очень тонким резцом или лазером.

«№ 2-0311».

Никита поднёс кольцо к глазам. Все штрихи были одной толщины. Двойка стояла без завитка и без нажима, как на карточке в его кармане. Так не гравируют подарок любимому человеку. Так маркируют вещь, которую кто-то собирается сдать по описи.

— Что это? — спросила Леся. — Я думала, дата. Но такой даты нет. Я проверяла по календарю. Ни в этом году, ни в прошлом.

— Номер, — сказал он. — Возможно, номер учётной записи.

— Чьей?

— Пока не знаю.

Он вернул кольцо. Леся надела его, снова дёрнув, и сжала руку в кулак, будто боялась, что оно исчезнет.

— Вы не удивились, — сказала она. — Любой бы сказал: вы шутите. Или позвал бы маму. А вы записали.

Никита закрыл блокнот.

— Не удивился.

— Вы можете проверить, что со мной не так? — Она произнесла это тихо, без просьбы в голосе, как называют адрес. — Я не прошу ничего решать. Только проверить. Чтобы кто-то посмотрел и сказал: вот здесь болит. Или: здесь ничего нет.

— Проверю. Но сначала один вопрос.

— Да.

— Что вы помните о нём? Не имя. Любую мелочь.

Она зажмурилась и потёрла переносицу. С лестницы позвали: «Леся, в два примерка, не забудь!», и она не ответила. Прошла минута. Внизу что-то упало и покатилось, женские голоса вскрикнули и рассмеялись.

— Запах, — сказала Леся. — Резкий, чуть кислый. Такой, как от туши, которой чертят. Я его сначала не могла определить. А потом нашла.

Она встала, опустилась на колени у комода и открыла нижний ящик. Достала лист, сложенный вчетверо. Развернула на кровати. Это была калька, большая, с заломами, исчерченная тонкими линиями. Никита подошёл ближе. Запах туши почувствовал даже он.

На листе была мельница: деревянный сруб на каменном основании, водяное колесо, лоток, плотина с затвором, крыльцо в три ступени. В углу рамка со штампом, но поля в ней оставались пустыми. Ни фамилии, ни подписи, ни даты.

— Мама не знает, откуда это, — сказала Леся. — Я тоже. Но когда я держу этот лист, я знаю одно. Он работал на этой мельнице.

Здание администрации стояло на площади, которую в Ломашах называли Советской, хотя памятник Ленину убрали ещё до его приезда на бывшую службу в Брест. Двухэтажная коробка из жёлтого кирпича, шесть бетонных ступенек с железным поручнем, на двери объявление: «Вход со стороны двора. Приём граждан: вт., чт. 9.00–13.00». Был вторник. Никита обошёл здание по расчищенной дорожке, где снег уже смешали с золой и солью.

ЗАГС занимал левое крыло первого этажа. Табличка «Кабинет № 4. Отдел регистрации актов гражданского состояния» висела на двери криво. В коридоре пахло мокрым линолеумом, бумажной пылью и сладким кремом для рук. На скамейке у стены сидела пара лет двадцати пяти: девушка держала папку с документами, как держат щит, парень рассматривал свои кроссовки. Из-за двери слышался голос, мерный и недовольный: кто-то объяснял кому-то, что справка без печати недействительна.

Никита дождался, когда дверь откроется. Вышла женщина в пуховике, красная, с бумагой в руке. Он вошёл.

Кабинет был узкий, с одним окном и двумя столами. На подоконнике стояли герань и электрический чайник, на стене висели календарь с котятами и график работы. Тамара Ивановна сидела за дальним столом, прямая, в тёмно-синем костюме и платке, накинутом на плечи. Лет пятьдесят семь. Волосы подкрашены в каштановый, помада тёмная, на правой руке кольцо с печаткой. Она посмотрела на него поверх монитора так, как смотрят на человека, который пришёл не по записи.

— По какому вопросу? Приём до часу, но у меня обед.

— Соколов, областной архив. Плановая проверка сохранности актового фонда и вспомогательных книг. — Он положил на стол бумагу на бланке с печатью и подписью директора. Бумага была настоящая, оформленная в понедельник, когда он ещё сидел в Бресте над чужим делом. — Предупреждение в вашу администрацию должно было прийти на прошлой неделе.

Тамара Ивановна взяла бумагу, прочитала целиком, дважды, остановилась на печати. Потом отдала.

— Ничего не приходило. И у нас в пятницу регистрация. Грицуки. Вы знаете, сколько будет народу? Мне нужно платье гладить, а не вам книги показывать.

— Мне понадобится журнал регистрации заявлений за последний год. Книги актов смотреть не буду. Час, не больше.

— Вам что, больше смотреть нечего?

— Смотрю то, что в графике.

Она сжала губы, но встала. Подошла к железному шкафу, открыла замок ключом с биркой и достала с нижней полки журнал. Толстый, в коричневом коленкоровом переплёте, прошнурованный и опечатанный на последнем листе. На корешке выцветшая наклейка: «Книга регистрации заявлений. Нач. 03.10.2025».

— На стол, — сказала она. — Не на подоконник. И чашки не ставить.

Он поставил сумку на пол и сел. Достал блокнот, карандаш, мягкую резинку и лупу в кожаном чехле, ту, что носил ещё со следственных времён. Тамара Ивановна вернулась на своё место, не сводя глаз с его рук.

Журнал был разграфлен по формуле: номер по порядку, дата подачи, фамилия, имя, отчество заявителей, год рождения, документ, дата регистрации, номер квитанции об уплате госпошлины, подпись должностного лица. Почерк в нём принадлежал, судя по нажиму и наклону, самой Тамаре Ивановне: крупный, круглый, с завитком на заглавных. Никита листал медленно, пропуская первые месяцы. Нумерация шла аккуратно, без пропусков и без вставок. К июлю он дошёл до записей двухсотых.

Запись № 311 стояла посередине страницы. Дата подачи — семнадцатое июля. Регистрация назначена на шестое ноября. Фамилия невесты: «Грицук Леся Григорьевна», год рождения

— девяносто девятый. Паспортные данные заполнены полностью, серия и номер, дата выдачи. Подпись должностного лица — росчерк Тамары Ивановны, тот же завиток.

Строка жениха была пустой.

Не просто пустой: на её месте в клетках лежала сплошная матовая заливка белого цвета, чуть светлее самой бумаги, шириной в четыре графы. Края заливки шли по линейке, углы были прямыми. Ни бугорков, ни потёков, ни полосок от кисти. Закрашенная область не заходила ни на миллиметр ни на соседние строки, ни на печатные линии граф. Строка выше и строка ниже были в целости, и их чернила не размазались.

Никита придвинул лупу. Корректирующая жидкость так не ложится: она подсыхает комками, оставляет блеск и закрывает линейку граф, как ни старайся. Здесь линейка граф осталась на месте, тонкие синие линии проходили под белым слоем, как под стеклом. Кроме того, заливка была сухой. Никита провёл по ней ногтём, чуть наклонив страницу к свету. Ни шелушения, ни трещин по краю.

— Тамара Ивановна.

Она подняла голову от монитора.

— Взгляните, пожалуйста. Запись триста одиннадцать.

Она встала, обошла стол и наклонилась над журналом. Помолчала. От неё пахло духами, пудрой и мятной жвачкой.

— Это не моё, — сказала она.

— В смысле?

— Я так не делаю. Если ошибка, я перечёркиваю и ставлю подпись. Корректор у нас запрещён, мы им не пользуемся. А тут... — Она протянула руку, но тронуть не решилась. — Это кто-то залил.

— Когда вы последний раз открывали эту страницу?

— На прошлой неделе. Подтверждала дату с Нинкой Грицук. Мы с ней... — она запнулась, — мы давно знакомы.

— И что было в этой строке на прошлой неделе?

— Фамилия. — Ответ прозвучал слишком быстро. — Была фамилия. Обычная.

— Какая?

Она не ответила. Выпрямилась, поправила платок на плечах, вернулась к своему столу, села и придвинула монитор к себе. Пальцы забегали по клавиатуре, но уже не набирали ничего осмысленного: окно с таблицей открывалось, закрывалось и открывалось снова.

— Я посмотрю в программе, — сказала она.

— В программе есть?

Пауза.

— Только невеста. Остальное... Наверное, сбой. У нас обновляли базу в сентябре. — Она повернулась к нему. — Вам нужно письменное объяснение? Я напишу.

— Пока нет.

Никита вернулся к журналу. Объяснение у него было: человек, который заливал, торопился и не ошибся ни на миллиметр. Такое сочетание он видел только в одном месте, и это место лежало сейчас в его кармане.

Он перелистнул страницу. Запись № 312 принадлежала другой паре, заполнена той же рукой, но другой ручкой, чуть более жирной. Никита положил журнал под настольную лампу и сдвинул её так, чтобы свет падал на лист почти вдоль поверхности. На бумаге проступил рельеф. Когда пишут шариковой ручкой на верхней странице, нажим передаётся на ту, что лежит ниже, и оставляет бороздки, которые не видны при прямом свете и читаются при боковом.

Бороздок было много. Он достал из сумки лист пергамина, положил его на нужное место, придержал ладонью и стал штриховать мягким карандашом вдоль линий, под небольшим

углом, не нажимая. На пергамине начали проступать светлые контуры. Работа нехитрая, но терпеливая: десять минут для одного участка.

Тамара Ивановна наблюдала молча. Время от времени она оглядывалась на дверь, за которой скрипела скамейка.

Результат вышел неполным. Часть оттиска разобрать не удавалось: слой чернил на самой записи был перекрыт, и бороздки на этом участке выглядели так, будто их выровняли чем-то вроде утюга. Но строка заявления читалась в целом. Первые слова в графе «Заявители»: «Грицук Леся Григорьевна». Ниже, на месте жениха, оттиск оказался гладким, без единой бороздки, на ширину ровно в пятьдесят знаков. Остальное было различимо: дата рождения невесты, паспортные данные, и в самом низу строки — номер квитанции «0847» и сумма госпошлины.

Он перенёс цифры в блокнот.

— Квитанция восемьсот сорок семь. Кто платил?

— Это в приложении, — сказала Тамара Ивановна. Голос у неё стал тише. — Папка триста одиннадцать. Сейчас.

Она достала из шкафа тонкую папку с резинкой. Положила перед Никитой, не раскрывая. Он развязал. Внутри лежали: заявление, составленное на стандартном бланке, копия паспорта Леси, квитанция из кассы администрации. Заявление было совместное, на двух сторонах листа, но правая половина, где подписывается жених, отсутствовала. Лист оказался обрезан по краю, ровно, точно по сгибу, как ножом по линейке. На оставшейся левой половине подписалась только невеста.

Квитанция была выписана на бланке кассы. «Принято от: заявитель. Сумма: три рубля. Дата: девятое июля». Фамилия плательщика не указана.

— Кассир пишет «заявитель», если платят за третье лицо, — сказала Тамара Ивановна, не глядя на бумагу. — Но у нас так обычно не бывает. Обычно приходят сами.

— Кто приходил с документами?

— Леся. Сама. Двенадцатого июля. — Она сглотнула. — А потом ещё один приходил. Не жених. С чемоданчиком.

— Опишите.

— Мужчина. Средних лет. Серый костюм, пальто, ботинки очень чистые. Кожаный чемоданчик, коричневый, с латунными замками. Сказал, что от семьи, по поручению, что всё нужно оформить в одном порядке, чтобы не мучить молодых. Положил на стол пакет. В пакете было всё: бумаги, копии, заявление. Я только проверила и поставила печать.

— Что за поручение? Доверенность?

— Была. Наверное, была. — Она потёрла висок. — Я не помню, чья подпись. Помню, что всё оформлено правильно, так правильно, что я даже читать не стала.

— Как он выглядел?

— Нормально выглядел. Ровный такой. Лицо... — Она умолкла. Её взгляд ушёл в сторону календаря с котятами и вернулся. — Ничего особенного. Я бы не узнала его на улице.

Никита закрыл папку. Тамара Ивановна помнила коричневый чемоданчик, латунные замки и чистоту ботинок, но не помнила лица. Приём стандартный. Свидетели описывают то, что им показали, и не помнят того, кого не хотели видеть.

— Можно мне ещё раз журнал?

Она кивнула. Он положил его под лампу и поднёс лупу к краю заливки. Увеличение показало то, чего не было видно при обычном свете. По нижней кромке белой области, там, где заливка встречалась с синей линией графы, шла надпись. Тончайшая, тушью, высотой около миллиметра. Он повернул журнал и прочитал по буквам.

«2-0311».

Знаки были выведены одним нажимом, без наклона и без завитков. Цифра «два» без петли, ноль круглый, как циркульный. Тот самый шрифт, что на карточке в его внутреннем кармане. Номер из кольца Леси.

Работал не человек с тряпкой и банкой корректора. Тот, кто стёр жениха из журнала, стёр его из заявления, из квитанции и из памяти людей, которые держали эти бумаги в руках. И расписался. Не для того, чтобы его нашли, а чтобы закрыть запись, как закрывают дело в картотеке.

Никита опустил лупу.

— Тамара Ивановна, — сказал он, — у вас в кабинете кто-нибудь ещё работает с этим журналом?

— Только я. И ключ у меня один.

Он кивнул и записал в блокноте время.

Береговая улица шла вдоль Ломашки и до реки не доходила: последние дома стояли на склоне, ниже них начинались огороды и заросли ивы. Адрес Никита получил в кассе районной энергосбытовой конторы, на другом конце города. Кассирша, пожилая и усталая, смотрела в монитор и не спрашивала, зачем ему это. По Береговой, девять, ежемесячно вносилась оплата за электричество. Наличными, без квитанции плательщика. В графе «Ф.И.О.» стояла та же сплошная белая заливка, что и в журнале. Кассирша заметила её только тогда, когда он попросил увеличить масштаб.

Дом девять оказался приземистой бревенчатой избой с шиферной крышей, обшитой снаружи сайдингом цвета топлёного молока. Над калиткой висел почтовый ящик с вмятиной. Во дворе стояла поленница, накрытая плёнкой, и колодец с жестяной крышкой. Снег у крыльца был расчищен недавно: лопата ещё стояла, прислонённая к перилам, а на ступенях остались тонкие полоски соли.

Хозяйка открыла сразу, как только он постучал дважды. Женщина лет шестидесяти пяти, невысокая, плотная, в вязаных носках и мужской безрукавке поверх фланелевой рубашки. Волосы собраны под резинку, на пальцах следы муки.

— Из энергосбыта? — спросила она. — У меня всё оплачено.

— Из архива. Соколов. Мне нужна комната, которую у вас снимали.

Зоя Макаровна, так она назвалась, не удивилась и не спросила, откуда он знает про комнату. Посмотрела на него, на лопату у крыльца, на небо, откуда начинал сеять мелкий снег, и отступила в сторону.

— Заходите. Ноги вытрите.

В сенях пахло сухими травами, мышиным помётом и овсяной кашей. Печь в доме топилась, но тепло шло только в одну сторону. Хозяйка провела его через кухню: клеёнка в клетку, в углу иконка, на столе электрический самовар. В чашке на блюдце остывал чай. Она шла впереди и говорила не оборачиваясь.

— Я её сдавать не собиралась. У меня комната маленькая, окно на север, летом сыро. Пенсия есть, огород есть. Но с лета она у меня занята. Деньги приходят.

— Кто приносит?

— Никто. Конверт в ящик кладут первого числа. Там пять бумажек и на конверте адрес. Печатными буквами. — Она остановилась перед дверью в конце коридора и положила на неё ладонь. — Я думала спросить у людей, кто снимает. А как спросить? Я не помню, чтобы я сдавала. Не помню, чтобы он входил. Но вещи там. Я постель меняю каждую неделю. Полы мою. Вроде и ни к чему. Рука не поднимается убрать.

— Вы туда заходите?

— Каждый день. Пыль вытираю.

Она открыла дверь и остановилась на пороге.

— Я с вами не пойду, — сказала Зоя Макаровна. — Вы смотрите, мне там неспокойно. Чайник поставлю.

Никита вошёл один.

Комната была узкая, длиной шагов в пять. Железная кровать с шишечками, застеленная серым шерстяным одеялом. У окна письменный стол, у стены шкаф с двумя дверцами, над кроватью полка с книгами. Пол вымыт, подоконник протёрт. Окно выходило на реку, и в нём сейчас стоял серый предвечерний свет, не доходивший до углов. Лампочка под потолком была голая, без абажура.

Он выключил в голове всё, кроме инвентаризации. Сначала осмотр, потом выводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.